

Шарлотта Эйзинбург

МАЖОР СВЯЗАНЫ СУДЬБОЙ

Шарлотта Эйзинбург
Мажор. Связаны судьбой

«Литнет»

2026

Эйзинбург Ш.

Мажор. Связаны судьбой / Ш. Эйзинбург — «Литнет», 2026

— Не прикасайся ко мне, Громов, — ядовито шиплю я, вжимаясь лопатками в стену. — А то что, Смирнова? — его губы обжигают моё ухо, а рука ложится на талию, отрезая пути к отступлению. — Мы уже в аду. И выбраться отсюда сможем только вместе. МАША: Я пришла в «Легис» за архивами о гибели моего отца и гонораром, который спасёт маму. Я готова перегрызть глотку любому, но моим напарником назначают одноклассника Стаса Громова. Я ненавижу его до дрожи. Но чем глубже мы вязнем в корпоративной грязи, тем яснее я понимаю: Стас — не тот, кем кажется. А настоящая угроза исходит совершенно от другого человека. СТАС: Смирнова — это заноза. Дикая, неприступная, с глазами загнанной, но готовой к прыжку лани. Она смотрит на меня как на мусор, не подозревая, что мы оба — пешки на чужой доске. Маша должна была стать просто удобным инструментом, балластом для прикрытия. Но один шаг навстречу, одна искра — и меня срывает. Теперь я никому не позволю её тронуть!

© Эйзинбург Ш., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1 Маша	5
Глава 2 Стас	8
Глава 3 Стас	11
Глава 4 Маша	14
Глава 5 Маша	17
Глава 6 Стас	20
Глава 7 Стас	22
Глава 8 Маша	25
Глава 9 Стас	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Глава 1 Маша

— Мам, возьми выходной, я тебя очень прошу. Я перехвачу пару смен в кофейне, нам хватит коммуналку закрыть.

Я зажала телефон плечом, пытаюсь одной рукой натянуть кроссовок, а второй выудить из кармана куртки ключи.

— Ой, скажешь тоже. Какая подработка? У тебя сегодня распределение на стажировку, вот об этом и думай. Всё, Машунь, у меня очередь, беги на пары! — она торопливо сбросила вызов, не дожидаясь ответа.

Я тяжело вздохнула, глядя на погасший экран. Упрямая.

Потянувшись за шарфом, я случайно зацепила локтем мамину потёртую сумку-шоппер. Сумка тяжело ухнула на пол, молния разошлась, и на выцветший линолеум веером брызнуло содержимое: ключи, дешёвая помада, какие-то чеки и плотный белый конверт с логотипом частной клиники.

Я нахмурилась. Мама никогда не ходила по платным врачам, предпочитая лечиться народными средствами и сном.

Пальцы сами потянулись к конверту. Внутри оказался сложенный вдвое лист формата А4. Я пробежалась глазами по строчкам, спотыкаясь о сложные медицинские термины, пока взгляд намертво не впечатался в заключение.

«Рассеянный склероз, цереброспинальная форма. Стадия обострения. Прогрессирующее течение».

Ниже, под синей печатью, был прикреплён распечатанный план терапии. Я посмотрела на итоговую сумму за курс препаратов, купирующих обострение, и в ушах зазвенело. Сумма, ради которой маме пришлось бы пробивать товары на кассе без сна и еды ближайшие лет десять.

Пазл в голове начал складываться сам собой, с пугающей, тошнотворной ясностью. Разбитая на прошлой неделе любимая чашка — *«ой, руки совсем дырявые стали»*. То, как она тяжело опиралась на дверной косяк, снимая обувь — *«просто смена тяжёлая была, ногу тянет»*.

Она не устала. Её тело медленно отказывало. А она продолжала брать ночные смены на кассе и врала мне в глаза, только чтобы не висеть у меня на шее.

Я аккуратно сложила лист по сгибу. Взгляд метнулся к пыльной верхней полке в коридоре, где среди коробок с обувью стоял старый, поцарапанный деревянный кукольный домик.

Четырнадцать лет назад папа принёс его на моё пятилетие. Я помню запах его одеколона, помню, как мама смеялась на кухне. А потом в дверь позвонили. Папа открыл, и в квартиру шагнули люди в форме. Я не понимала, что происходит. Помню только, как на него надели наручники и увели в подъезд.

Тогда мама увезла меня пожить на месяц к своей сестре. Позже она вернулась за мной с абсолютно мёртвым лицом, села на корточки и сказала: *«Папа уехал в долгое путешествие. Лет на десять. Но он обязательно вернётся»*. Я верила. Год рисовала ему кривые детские открытки. Пока маме не позвонили, и она не осела на пол с таким жутким криком, который до сих пор звучит у меня в ушах.

Папы не стало. В тюрьме, куда он попал по сфабрикованному делу. Только в девятом классе я нашла старые документы и поняла, он был слишком честным адвокатом, и его просто убрали.

Именно поэтому четыре года назад я отнесла документы на юрфак. Я зубрила кодексы ночами, шла на красный диплом и цеплялась за любые возможности, чтобы однажды подобраться к тем, кто разрушил нашу семью.

Я резко поднялась с пола. Сегодня на потоке распределение на финальную стажировку. Лучшие попадут в топовые адвокатские бюро города, а победитель получит место младшего партнёра и огромный стартовый гонорар.

До сегодняшнего утра это было просто моей амбицией и шансом на месть. Теперь это стало вопросом жизни. Мне нужно это место. Я вытащу маму. И я найду виновных.

Дорога до университета стёрлась из памяти. В голове крутились цифры, названия препаратов и сухие строчки из маминого диагноза. Я шагнула на пешеходный переход, даже не подняв глаз на светофор.

Агрессивный рёв форсированного двигателя разорвал уличный шум. Визг тормозов ударил по барабанным перепонкам.

Я инстинктивно отшатнулась, выставив руки вперёд. Ладони с силой впечатались в раскалённый чёрный капот. Машина замерла в жалком миллиметре от моих коленей.

Сердце, до этого спавшее в ледяном оцепенении, бешено забилося о рёбра. Адреналин ударил в голову, смывая остатки ступора и заменяя его чистой, концентрированной яростью.

— Ты что, совсем ослеп, придурок?! — крикнула я, не убирая трясущихся рук с горячего металла.

Дверь спорткара плавно открылась. На асфальт ступил дорогой кожаный лофер, а затем из машины вальяжно выбрался Стас Громов. Наследник теневой империи, мажор, чьё имя на курсе произносили с придыханием или с отвращением. Я относилась ко второй категории.

Он окинул меня ленивым взглядом с ног до головы, задержавшись на моих руках, прижатых к капоту.

— Убери руки, Смирнова, — ровным, почти скучающим тоном произнёс он. — Машину поцарапаешь. И небольшой совет, смотри по сторонам, полезно для выживания.

Я задохнулась от возмущения, готовая шагнуть к нему и стереть эту ледяную ухмылку с его идеального лица, но кто-то резко дёрнул меня за рюкзак.

— Маша, стой! — моя однокурсница Света вцепилась мне в плечо, оттаскивая на тротуар. — Ты с ума сошла? Это же Громов. Ему вообще плевать, он тебя переедет и даже не заметит, отмажут в ту же секунду. Пойдём!

Громов небрежно захлопнул дверь, мотор снова взревел, и чёрная машина сорвалась с места, обдав нас горячим выхлопом. Я смотрела ему вслед, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. Если бы ненависть имела физический вес, Громова бы сейчас раздавило.

Аудитория гудела от напряжения. Под сводами старого лекционного зала решались наши судьбы. Декан стоял за кафедрой, перебирая плотные листы бумаги.

— В этом году правила жёстче, господа, — его голос эхом разнёсся по рядам. — Большинство из вас отправится в консалтинг. Но есть одно исключение. Бюро «Легис».

В зале повисла мёртвая тишина. «Легис». Элита. Акулы уголовного и корпоративного права. Именно оттуда четырнадцать лет назад моего отца увезли в СИЗО.

Я затаила дыхание, чувствуя, как пульс бьёт в висках.

— Руководство «Легиса» выставило условие, — продолжил декан. — Работа строго в парах. Они проверяют не только ваши мозги, но и способность выживать в тандеме. Жеребьёвка слепая. Я называю имена тех, кто прошёл их первичный отбор.

Он поправил очки.

— Смирнова Мария.

Внутри меня что-то оборвалось, а затем взмыло вверх. Да!

— Ваш напарник, — декан опустил глаза на следующий лист. — Громов Станислав.

Радость в груди превратилась в пепел за долю секунды. Воздух застрял в горле. Громов? Мой напарник? От чьих решений будет зависеть моя победа, мой гонорар, жизнь моей матери?

Я медленно, словно сквозь толщу воды, обернулась назад.

Стас сидел на последнем ряду. Мы смотрели друг на друга через всю аудиторию, и я поняла, что эта стажировка будет не просто тестом на профпригодность. Это будет война на выживание. И я не имею права в ней проиграть.

Глава 2 Стас

Холодный металл платинового хронографа Audemars Piguet привычно и тяжело лёг на запястье. Щелчок застёжки прозвучал в абсолютной тишине огромной спальни как оружейный боек. Я бросил короткий, равнодушный взгляд в огромное зеркало от пола до потолка. Идеально сидящий тёмно-синий пиджак, небрежно расстёгнутая на пару пуговиц рубашка, уложенные волосы, холодные, пустые глаза. Картинка. Дорогой манекен с безлимитной кредиткой, в которого все так отчаянно хотят верить.

Тишину разорвала вибрация телефона на мраморной столешнице. На экране высветилось имя: «Лиза».

Я неспеша взял смартфон, провёл пальцем по стеклу.

— Да, малышка.

— Стас, привет... — её голос был с придыханием, тягучий, сладкий, как дешёвый сироп. Я почти физически увидел, как она накручивает прядь волос на палец. — У меня предки улетели на Кипр на две недели. Дом полностью в моём распоряжении. Приезжай сегодня ко мне? У меня новое нижнее белье, чёрное, кружевное... Бутылочка очень дорогого вина, которое папа прятал в коллекционном шкафу... Тебе понравится.

Она мурлыкала в трубку, продавая себя так же отчаянно и дёшево, как и все остальные.

— Прости, детка, сегодня другие планы, — ровным тоном ответил я.

— Но Стас... — в её голосе скользнула обида.

Я нажал отбой, даже не дослушав, и швырнул телефон на кровать.

Два коротких пшика селективного парфюма — терпкий запах чёрного перца, кожи и сандала. Я втянул воздух, чувствуя, как внутри нарастает глухое, тошнотворное раздражение.

Очередная кукла. Очередная пустая девчонка, которой от меня нужны только статус, секс в дорогой тачке и возможность выложить сторис из моего пентхауса. Хоть одна из них способна увидеть за брендовыми шмотками и счётом в банке живого человека? Вопрос был риторическим. В моём мире люди это функции. Я для них — банкомат с симпатичной мордой. Они для меня — мясо. Баланс соблюлён.

Тяжёлые шаги за дверью заставили меня напрячься. Дверь распахнулась без стука.

На пороге стоял Андрей Казимирович Громов. Мой отец.

Даже просто находясь в комнате, он заполнял собой всё пространство, выкачивая из помещения кислород. Идеально выглаженная белоснежная рубашка, тёмно-серые брюки, сшитые на заказ в Италии, часы на левом запястье, стоимость которых превышала бюджет небольшого российского города. И запах. Его индивидуальный парфюм — тяжёлый, властный аромат табака и дуба.

— Стас, я сказал тебе спуститься ко мне в кабинет ещё шесть минут назад, — его голос, с характерной хрипотцой, звучал негромко, но все равно пробирал до мурашек. — Хватит на отражение своё любоваться. Займись делом.

Я повернулся к нему, пряча руки в карманы брюк, чтобы он не увидел, как побелели костяшки.

— Мне некогда с тобой разговаривать. У меня сегодня важный день в университете.

Отец медленно, картинно закатил глаза, словно общался с умственно отсталым.

— Какие ещё дела могут быть важнее разговора со мной?

— У нас сегодня распределение на стажировку, отец, — чеканя каждое слово, ответил я. — Финальный этап.

Отец коротко, зло хмыкнул и пройдя в глубь комнаты провёл пальцем по комоду, проверяя наличие пыли.

— Когда ты уже наиграешься в адвоката, сынок? — в его тоне сквозила ядовитая насмешка. — Для тебя уже уготовлена должность. Ты — владелец строительной империи. Ты мой наследник. Юридическое образование это похвально, оно безусловно пригодится тебе на посту основателя и руководителя нашего холдинга. Надо знать законы, чтобы грамотно их обходить. Но вот твоё упрямое стремление быть именно *адвокатом*... бегать по судам, таскать бумажки, я никогда не пойму.

Я подхватил со стула кожаную сумку и закинул её на плечо.

— Тебе никогда этого не понять, отец. Мы из разного теста.

— Конечно, мне не понять! — его голос внезапно лязгнул металлом. — Мне не понять, как можно стремиться к тому, чтобы защищать всяких ублюдков в суде, получая за это копейки! О будущем империи думай, о семье!

Я остановился в метре от него, глядя прямо в его суровые, серые глаза.

— Таких ублюдков, как ты?

Воздух взорвался. Удар был хлестким и коротким. Тяжёлая ладонь отца с размаху впечаталась в мою левую скулу. Голова дёрнулась, во рту мгновенно появился солоноватый привкус крови, зубы пробили внутреннюю сторону щеки.

Я не отшатнулся. Не закрыл лицо руками. Только медленно повернул голову обратно, глядя на него всё тем же мёртвым, немигающим взглядом.

Отец тяжело дышал, его ноздри раздувались от ярости.

— Неблагодарный щенок, — зло выплюнул он, брезгливо оттирая руку платком, словно испачкался. — Такой же упёртый и больной на голову, как и твоя мать.

Внутри меня сорвало чеку. Ледяная броня, которую я выстраивал годами, дала трещину. Я шагнул к нему вплотную, возвышаясь на полголовы, и понизил голос до угрожающего шёпота:

— Не смей. Трогать. Мою мать.

Отец прищурился, но не отступил.

— Если бы она была жива, — процедил я, чувствуя, как вибрирует от напряжения каждое слово, — нас бы давно не было в твоём проклятом доме. И мы бы не имели никаких дел с твоей грязной империей. Я ещё раз тебе повторяю: я не хочу и не буду управлять компанией, которая построена на костях. На рэке. На сломленных человеческих судьбах. Я знаю, чем ты занимаешься. И я не буду в этом мараться.

Отец зло оскалился.

— Идеалист херов. Ты и дня не проживёшь без моих денег, сын. Я тебя избаловал. Ты носишь шмотки, которые купил я, спишь в квартире, которую оплатил я, и жрёшь на мои деньги. Твоя принципиальность заканчивается там, где начинается блокировка твоей платиновой карты.

Он поправил манжеты рубашки, возвращая себе ледяной контроль.

— Сегодня встреча с инвесторами и партнёрами. В шесть вечера, в ресторане «Алмаз». Я хочу, чтобы ты присутствовал и улыбался нужным людям. Иначе я выкину тебя из своей жизни. Перекрою кислород везде. Буду с удовольствием наблюдать, как ты барахтаешься вместе со всей этой челядью в поисках места под солнцем за тридцать тысяч в месяц. А потом, когда ты приползёшь ко мне на коленях, ты вспомнишь, что твой старик предлагал тебе место выше всех. Но ты вытер об него ноги.

Я медленно слизнул кровь с губы. Выбор без выбора. Пока что.

— Хорошо, отец. Я услышал. В шесть буду.

Он смерил меня последним презрительным взглядом и вышел из комнаты, оставив за собой шлейф тяжёлого парфюма.

Я дождался, пока стихнут его шаги в коридоре, швырнул сумку на пол, подошёл к рабочему столу и со всей дури ударил кулаком по массивной дубовой столешнице. Боль прострелила кисть, но это было ничто по сравнению с тем ядом, который кипел в венах.

От вибрации удара с верхней полки стеллажа соскользнула рамка. Она упала на стол лицом вверх.

Я замер, глядя на стекло. С фотографии на меня смотрела Мирослава Александровна. Моя мама. Это был её последний снимок. Она сделали его в парке за несколько дней до того, как исчезла четырнадцать лет назад.

Я осторожно взял рамку, проводя пальцем по прохладному стеклу. Она была потрясающей. Красивая, с пронзительными, умными глазами, в которых всегда плясали искры упрямства. Блестяще образованная, она единственная не боялась отца. Она умела постоять за себя, умела защитить меня от его тирании. Они никогда не любили друг друга. Их брак был сделкой, фасадом. Я смутно помню холодные вечера, их сон в разных комнатах, скандалы за закрытыми дверями кабинета.

А потом её не стало. Просто вышла из дома и не вернулась. При странных, диких обстоятельствах, которые полиция так и не смогла (или не захотела) распутать. Я помню ту неделю, словно это было вчера. Отец был на нервах, похож на загнанного зверя. Он сутками сидел в кабинете, много пил, курил одну сигарету за другой так, что по дому стелился сизый туман. На мои детские вопросы он не отвечал, просто отмахивался. А потом однажды утром сухо сказал: «Матери больше нет. Вопрос закрыт». Без похорон. Без тела. Без прощания.

Отец всегда оправдывал свою жестокость тем, что делает всё "на благо семьи". Но я вырос. Я больше не слепой ребенок. Я знаю, что мой отец — не просто жёсткий бизнесмен. Он чудовище. Он из тех людей, кто способен убить чужими руками. Я знаю, сколько компаний-конкурентов он задавил своим авторитетом, сколько людей разорилось, сколько "случайных самоубийств" произошло среди тех, кто переходил ему дорогу. Все его махинации прикрывали сверху. Его крыша была непробиваемой.

И я должен был стать наследником этого кладбища! Но только у меня была своя тайна...

Глава 3 Стас

Я бережно отложил фотографию матери на край стола и поднял крышку ноутбука. Привычно вбил пароль, прошёл двойную аутентификацию и зашёл в скрытую папку на защищённом сервере. На экране высветился скриншот анонимного письма, которое несколько дней назад перевернуло мою жизнь.

Отправитель: неизвестен. IP-адрес: скрыт (прогоняли через десяток VPN-узлов). В тексте была всего одна строчка, от которой у меня до сих пор стыла кровь:

«Твоя мать жива. Вся информация, архивы и схемы того, как её устранили, находятся в корпоративном хранилище адвокатского бюро "Легис".»

Сначала я думал, что это чья-то больная шутка. Попытка конкурентов отца выбить меня из колеи. Развод. Но чем больше я копался в старых домашних документах, чем больше вспоминал те дни, когда мама пропала, тем яснее складывался пазл. Отцу было выгодно её убрать. Она знала слишком много, она угрожала разводом и разделом бизнеса. Её просто стёрли, как неудобную переменную. Спрятали. Или изолировали.

Легис. Элитное, неприступное адвокатское бюро. Именно они обслуживали империю отца с самого основания. И именно там лежат ответы.

Мне во что бы то ни стало нужно попасть туда. Не просто на экскурсию. Мне нужен полный доступ к их внутренним серверам и архиву. Сегодня распределение. Победитель стажировки получает кресло младшепартнера и ключи ко всем дверям. Я должен уничтожить всех конкурентов на курсе, забрать это место и узнать правду.

Рев четырехлитрового двигателя Porsche 911 разрезал утренний воздух города. Я гнал по проспекту, агрессивно перестраиваясь, вдавливая педаль газа в пол. Скорость была единственным, что хоть немного проветривало мозг.

Светофор впереди мигнул жёлтым. Я не собирался тормозить. Я был в своих мыслях, прокручивая в голове схемы взлома серверов «Легис», когда периферийное зрение выцепило фигуру.

Девчонка ступила на зебру, даже не посмотрев по сторонам. Она шла на автомате, глядя куда-то сквозь асфальт, абсолютно отрешённая от реальности.

Инстинкты сработали быстрее разума. Я ударил по тормозам так, что машину повело юзом. Визг жжёной резины эхом отскочил от фасадов зданий. Меня вжал в ремни безопасности. Капот клюнул вниз и остановился в жалких миллиметрах от её коленей.

Я шумно выдохнул, чувствуя, как адреналин заливает кровь. Твою мать. Ещё секунда и я бы размазал её по асфальту.

Девчонка вздрогнула. Уперлась тонкими, дрожащими руками в раскалённый металл капота и подняла голову.

Маша Смирнова.

Её глаза метали молнии. Лицо было бледным, под глазами залегли тени, но во взгляде... во взгляде горел такой первобытный, дикий огонь ненависти, что меня на секунду парализовало. Она начала кричать на меня, но я не слышал слов из-за гула крови в ушах.

Она выглядела как испуганная лань, которую загнали в угол. Но лань, готовая вцепиться хищнику в глотку.

Я смотрел на неё сквозь лобовое стекло, и меня прошило током. Она до боли, до странного спазма в груди напомнила мне маму. Тот же прямой, несгибаемый взгляд. Тот же тон, не терпящий возражений, та же гордость, которую невозможно купить.

Смирнова привлекала моё внимание с самого первого курса. Тонкая, острая на язык, вечно в каких-то растянутых свитерах, она держалась особняком. Ни с кем не заигрывала,

зубрила кодексы до синяков под глазами и смотрела на таких, как я, как на грязь под ногтями. Я никогда не подходил к ней. Зачем? Вокруг меня всегда крутились сотни доступных, глянцевого кукол, готовых на всё по щелчку пальцев. Их не нужно было уламывать, они сами запрыгивали ко мне в салон.

Но Смирнова была другой. Неприступной. Настоящей.

Я нацепил на лицо привычную маску ледяного, циничного ублюдка — ту самую, которая защищала меня от этого мира. Плавно открыл дверь и вышел из машины, возвышаясь над ней.

— Убери руки, Смирнова, — бросил я равнодушно, с лёгкой долей брезгливости. — Машину поцарапаешь. И небольшой совет, смотри по сторонам, полезно для выживания.

Она побледнела от ярости ещё сильнее, готовая растерзать меня голыми руками, но тут подлетела её подруга. Кажется, Света. Она оттащила Машу назад, испуганно лепеча что-то про то, что со мной лучше не связываться.

Я смотрел, как она отступает, сверля меня полным ненависти взглядом. Усмехнулся одним уголком губ, молча сел в машину и ударил по газам. Маска держалась идеально. Но внутри, под рёбрами, что-то болезненно дёрнулось.

На парковке универа я вылез из машины, закуривая. К Porsche вразвалочку подошёл Макар — мой однокурсник, вечный тусовщик и сынок заместителя министра.

— Здравова, братик, — он протянул руку, сверкнув ролексом. — Как сам? Слушай, тут Лизонька утром звонила. Приглашала сегодня к себе. Сказала, у неё там вино, бельё, предки на Кипре...

Я мысленно чертыхнулся и выдохнул едкий дым.

— Пиздец. Она просто потаскуха. Сначала мне названивала полчаса назад, теперь, значит, к тебе переметнулась. План «Б».

Макар заржал, поправляя воротник брендового поло.

— Да ладно тебе, Стас. Что ты такой душный с утра? Девочка просто хочет получить яркий, качественный оргазм. А я человек добрый, отзывчивый. Люблю помогать ближним. Поеду, поработаю волонтером.

Меня передёрнуло от отвращения.

— Меня уже тошнит от таких, Мак. Пустые насквозь. Пластик и ценник. Ладно, похер пошли на пару.

Мы зашли в гудящую аудиторию. Я сел на последний ряд, откинулся на спинку скрипучего стула и достал телефон, делая вид, что мне скучно до зубного скрежета. На самом деле каждый нерв был натянут как струна. Сегодня решалось всё.

К кафедре подошёл декан. Старый лис с холодными глазами. Он долго распинался про консалтинг, про элиту и прочий мусор, пока не произнёс заветное:

— Бюро «Легис».

Зал замер. Я убрал телефон в карман, выпрямляясь.

— Руководство выставило условие. Работа строго в парах... Жеребьёвка слепая.

В парах? Какого хрена?

— Смирнова Мария, — голос декана разрезал тишину.

Я вскинул голову. Смирнова? Та самая Смирнова, которую я чуть не закатал в асфальт полчаса назад? Умная, зубастая, ненавидящая меня до глубины души.

— Ваш напарник, — декан сделал драматичную паузу. — Громов Станислав.

Время остановилось. Мои лёгкие на секунду забыли, как работать. Смирнова и я. Лёд и пламя. Нищета и миллионы. Мы убьём друг друга в первый же день. Она не будет молчать, она не будет подчиняться, она будет грызть мне глотку за каждую ошибку. Но в то же время... она — единственный человек на этом курсе, у кого есть реальные мозги и хватка бультерьера.

Впереди, на несколько рядов ниже, девушка медленно обернулась.

Наши взгляды встретились. В её огромных глазах читался абсолютный, чистый шок, сменяющийся холодным бешенством.

Я не отвёл взгляд. Я смотрел в её глаза прямо, жёстко, с холодным, цепким интересом.

Эта стажировка планировалась как моя сольная спасательная операция. Но теперь она превратилась в нечто совершенно иное. И глядя на напряжённую линию её плеч, я вдруг понял: я готов к этой войне. Более того, я её предвкушаю.

Глава 4 Маша

Шум студенческой столовой стоял сплошным монотонным гулом. После распределения одни праздновали, другие, как моя лучшая подруга Света — пытались утопить горе в углеводах.

Света ожесточённо ковыряла пластиковой вилкой остывшую запеканку, её плечи были уныло опущены. Её распределили в консалтинговую фирму, где пределом мечтаний было перекладывание договоров аренды.

— Тебе просто нереально повезло, Маш, — в который раз вздохнула она, делая глоток кофе и морщась от горечи. — «Легис»... Это же космос. Хотя, если честно, я думаю, они тебя не только из-за оценок взяли. Скорее всего, по фамилии выбрали. Твой отец же был их ключевым кадром, легендой. Наверняка кто-то из руководства его помнит.

Я устало потёрла переносицу. Голова гудела после утреннего адреналинового шторма.

— Свет, отца нет уже четырнадцать лет. За это время там сменилось сто пятьдесят эйчаров, партнёров и кураторов. Корпоративная память так долго не живёт, особенно в таких мясорубках. Никто меня по фамилии не выбирал. Я пахала как проклятая все четыре курса, у меня лучший средний балл на потоке. В отличие от некоторых. — Я непроизвольно скрипнула зубами. — Вот Громов чем их взял? У него же одни пропуски и пересдачи. Сто процентов папочка занёс круглую сумму, чтобы сыночка в элитное место пристроить.

Света согласно закивала, отодвигая от себя пластиковую тарелку.

— Да сто процентов купил. Такие, как он, даже не знают, как трудовой кодекс выглядит. Зато гонора на весь университет...

— Обсуждаете тех, кто успешнее вас, девочки? Как это типично.

Знакомый, пропитанный ленивым превосходством голос раздался прямо над моим ухом. В нос ударил шлейф дорогого селективного парфюма, терпкий, с нотами чёрного перца. Я резко подняла голову.

Стас Громов стоял у нашего столика, засунув руки в карманы идеально сидящих брюк. Он смотрел на меня сверху вниз, в его тёмных глазах плескалась откровенная насмешка, смешанная с тем самым холодным интересом, который я заметила ещё в аудитории.

— Смирнова, — процедил он, игнорируя открывшую рот Свету. — Завтра в девять ноль-ноль будь в приёмной «Легиса». Не опаздывай. И постарайся выглядеть как юрист, а не как студентка, которая только что разгружала вагоны. Не позорь меня перед партнёрами.

Воздух в лёгких мгновенно заledenел. Я медленно поднялась из-за стола, с грохотом отодвинув стул. Мой рост не позволял смотреть на него сверху вниз, но мне это было и не нужно. Я вложила в свой взгляд всю ярость, которая кипела во мне с самого утра.

— Ты кто вообще такой, чтобы мной командовать? — мой голос звучал негромко, но так хлётко, что за соседним столиком притихли первокурсники. — Мы напарники, Громов, и я не твоя личная прислуга. Завтра в девять. И это тебя тоже касается. Постарайся включить мозги, а не только папину кредитку. Не позорь меня.

Я подхватила свой рюкзак с соседнего стула, бросила короткое «Пока, Свет» и зашагала к выходу, чувствуя спиной его тяжёлый, обжигающий взгляд.

Оставшиеся пары слились в одну серую, невнятную массу. Я механически конспектировала лекции по арбитражному процессу, но перед глазами стояли не статьи кодекса, а сухие строчки маминого диагноза и астрономические суммы за лекарства.

Как только прозвенел звонок, я пулей вылетела из аудитории. Дорога до нашей хрущёвки на окраине города заняла почти час.

В нашей с мамой квартире пахло жареной картошкой и чаем с бергамотом. Из кухни доносилось тихое бормотание работающего телевизора.

— Мам, я дома! — крикнула я, скидывая кроссовки.

Ответом мне стал резкий, режущий слух металлический грохот. Я бросилась на кухню.

Мама стояла у плиты, растерянно глядя себе под ноги. На старом линолеуме валялась металлическая поварёшка, вокруг которой расплывалось жирное пятно от масла. Мама попыталась наклониться, чтобы поднять её, но её пальцы дрожали так сильно, что не могли ухватить тонкую ручку. Она судорожно сжала и разжала кулак, пытаясь вернуть контроль над собственным телом.

Моё сердце сжалось в болезненный комок.

Заметив меня, она мгновенно нацепила на лицо привычную тёплую улыбку. Но в уголках глаз затаилась паника.

— Ой, Машунь, руки совсем дырявые стали, — она попыталась отшутиться, вытирая ладони о фартук. — Устала просто на смене. Ты как раз вовремя, садись ужинать. Ну что? Как распределение? Говори скорее, я же места себе не нахожу!

Я медленно подошла к ней. Обогнула упавшую поварёшку. В горле стоял ком, острый и сухой, как битое стекло.

— Мам... Как долго ты собиралась это от меня скрывать?

Её улыбка дрогнула и сползла, оставив лишь измождённое, уставшее лицо.

— Что скрывать, дочка? О чём ты...

— О твоём диагнозе, — тихо произнесла я. — О рассеянном склерозе. О том, что тебе срочно нужен курс препаратов, который стоит как половина нашей квартиры. Я видела заключение из клиники, мам. Оно выпало из твоей сумки утром.

В кухне повисла мёртвая тишина, прерываемая лишь шипением масла на сковороде. Мама опустила глаза. Её плечи ссутулились, словно на них разом рухнула бетонная плита.

— Маша... всё не так страшно. Врач просто перестраховывается. Всё отлично, правда. Не нужно беспокоиться. Я возьму ещё пару смен, куплю наши, отечественные аналоги, они подешевле. Мы справимся, не бери в голову. Тебе учиться надо...

Я не выдержала. Шагнула к ней, опустилась на колени прямо на грязный линолеум, проигнорировав разлитое масло, и крепко сжала ее холодные, непослушные руки в своих.

— Мама, мамочка... посмотри на меня, — мой голос дрогнул, слёзы всё-таки обожгли глаза, но я заставила себя смотреть ей прямо в лицо. — Я не переживу, если с тобой что-то случится. Слышишь? Я уже потеряла отца. Ты — всё, что у меня есть.

Она всхлипнула, пытаясь вырвать руки, чтобы закрыть ими лицо, но я держала крепко.

— Я попала в «Легис», мам, — горячо зашептала я. — В то самое бюро. Если я выиграю стажировку, я получу место в штате и такой гонорар, что мы закроем весь курс лечения в лучшей клинике. И я сделаю всё, чтобы его выиграть. Выгрызу зубами. А пока... у меня есть сбережения. Я откладывала со стипендий и подработок. Хотела купить новый ноутбук к диплому или отложить на съём, но это уже не важно. Нам хватит на первую порцию оригинальных лекарств. На то, чтобы купировать обострение.

— Да что ты, дочка, с ума сошла? — мама замотала головой, по её щекам покатались беззвучные слезы. — Я не возьму твои деньги! Это твоё будущее, ты столько копила... Я куплю дешёвые таблетки, я потерплю... Успокойся, прошу тебя!

— Моё будущее уже началось, мам, — отрезала я, поднимаясь и крепко обнимая её. Она уткнулась мне в плечо, мелко подрагивая. — И в этом будущем ты будешь здоровой. Я всё решу. Просто позволь мне быть сильной для нас обеих.

Мы простояли так несколько минут, пока шипение на сковороде не сменилось запахом гари. Я выключила плиту, усадила маму за стол, налила ей чай с мятой и заставила выпить.

Только убедившись, что она немного успокоилась и пошла в душ, я зашла в свою крошечную комнату. Сил не было даже на то, чтобы переодеться. Я рухнула на узкую кровать прямо в джинсах и закрыла глаза.

В кармане коротко и требовательно вибрировал телефон.

Я нехотя достала мобильный. На экране светилось уведомление из мессенджера.

«Пользователь Антон Вольский добавил вас в группу "Легис: Стажёры. Команда №1"».

Я открыла чат. В участниках значилось всего три человека. Я, создатель группы — некий Антон Вольский, видимо, наш куратор от партнёров, и... Станислав Громов.

Я устало застонала, отбрасывая телефон на подушку. Мало мне того, что завтра придётся терпеть его высокомерную физиономию вживую, так теперь мы ещё и цифровыми наручниками скованы.

Телефон пискнул снова. В чате появилось первое сообщение от Громова: *«Надеюсь, ты уже гладишь свою парадную мантию, Смирнова».*

Я устало уставилась в потолок. Господи, дай мне сил не придушить этого идиота в первый же рабочий день.

Глава 5 Маша

Погода решила добить меня окончательно. Дождь обрушился внезапно, превратив улицы в сплошную серую водяную стену. Я бежала по тротуару, перепрыгивая через потоки воды, но старые туфли всё равно предательски хлюпали по лужам, а ледяные капли затекали за шиворот.

Задыхаясь, я взлетела по гранитным ступеням к главному входу в «Легис». Спасительный козырёк отрезал меня от ливня. Я замерла перед массивной стеклянной дверью, пытаюсь восстановить сбившееся дыхание и унять бешеный стук сердца, прикрыв глаза.

— Страшно?

Глухой голос раздался прямо над моим плечом.

Я резко обернулась. Стас Громов стоял в полуметре от меня. Идеально сидящий тёмно-серый костюм, белоснежная рубашка, расстёгнутая у ворота, волосы уложены с такой небрежной безупречностью, словно он только что вышел из дорогого барбершопа, а не приехал на стажировку.

Я инстинктивно одёрнула влажную ткань своей чёрной водолазки.

— Мечтай, Громов, — огрызнулась я. — Просто оцениваю масштаб бедствия.

Он усмехнулся одним уголком губ и медленно, с откровенной насмешкой скользнул взглядом по моему лицу, намеренно долго задерживаясь на нервно сжатых губах. Затем плавно подался вперёд, отесняя меня в сторону, и потянул на себя тяжёлую ручку двери.

Кабинет куратора находился на пятом этаже, с панорамными окнами с видом на реку.

Антон Вольский сидел за массивным столом. Ему было около тридцати пяти. Чёрная рубашка, расстёгнутая на одну пуговицу, обнажала сильную шею, на скулах темнела жёсткая щетина. Но главным на его лице были глаза — тёмные, немигающие, просвечивающие нас насквозь.

— Садитесь, — коротко бросил он. — Меня зовут Антон Владиславович Вольский. На период стажировки, я буду курировать вас по всем вопросам. С вашими портфолио я уже ознакомился.

Мы со Стасом заняли кресла напротив. Я физически чувствовала, как Громов расслабленно откинулся на спинку, закинув ногу на ногу, пока я сидела с прямой, как палка, спиной.

— Вы попали в «Легис», — начал Вольский, сцепив руки в замок. — Забудьте всё, чему вас учили в университете. Академическая теория здесь не работает. Здесь работают зубы, хватка и способность не спать по трое суток, сохраняя ясность ума. Ваша задача — не просто знать закон, а уметь выкручивать его так, как выгодно клиенту.

Я слушала куратора, но периферийным зрением ловила на себе взгляд Стаса. Он не смотрел на Вольского. Он откровенно, без стеснения изучал мой профиль, и от этого тяжёлого взгляда хотелось отодвинуться на самый край кресла.

— Проверим ваши базовые рефлексy, — сменил тон Вольский. — Блиц. Смирнова. Клиент обвиняется по 159 статье, часть 4. Мошенничество в особо крупном. Следствие изъяло серверы с чёрной бухгалтерией. Ваши первые действия?

— Подаю ходатайство о признании обыска незаконным, — выпалила я без запинки. — Ищу процессуальные нарушения в постановлении следователя. Если понятые были аффилированы с органами, доказательства признаются недопустимыми.

Вольский сухо кивнул.

— Громов. Клиент — гендиректор. Вывел активы через фирмы-однодневки. Обвинение переквалифицирует дело на 210 статью — организация преступного сообщества. Как развалить обвинение?

— Никак, если опираться только на бумаги, — лениво отозвался Стас. — Нужно бить по субъективной стороне. Доказывать, что умысел был направлен на обычную коммерцию, а не

на создание ОПГ. Ссылаться на свежий Пленум Верховного Суда о запрете применения 210 статьи к бизнесменам без доказательств строгой иерархии вне структуры компании.

Я удивлённо скосила на него глаза. Это была судебная практика последних месяцев, неужели у него есть мозги?

— Не пройдёт, — вклинилась я. — Следователи давно научились обходить этот Пленум. Они привяжут иерархию к штатному расписанию. Скажут, что отдел продаж — это структурное подразделение ОПГ.

— Скажут, — Стас медленно повернул голову ко мне. — Если защита будет жевать сопли. Но если мы докажем, что фирмы-однодневки имели реальные хозяйственные операции — хотя бы пару поставок ручек в офис, — состав ОПГ рассыплется. Фиктивность должна быть сто-процентной. Смирнова, ты мыслишь, как прокурор, а не как адвокат.

— Суд не примет пару ручек как доказательство реальной деятельности!

— Примет, если мы грамотно проведем экономическую экспертизу. Наш эксперт найдёт в их балансе признаки реального бизнеса. База рухнет.

Я открыла рот, чтобы возразить, но осеклась. Моя стратегия была классической обороной. Его — агрессивным, рабочим нападением. Неужели он реально соображает?

— Достаточно, — голос Вольского разрезал спор. — Громов прав. Экспертиза — наш главный таран. Смирнова, вам минус балл за шаблонность.

Я стиснула зубы так, что заныла челюсть. Стас лишь самодовольно отвернулся к окну.

Вольский пододвинул к нам толстую серую папку.

— Ваше первое дело. Свежее. Клиент обвиняется в рейдерском захвате предприятия. Мы — сторона защиты. Ваша задача — выиграть это дело в суде. Я буду наблюдать, направлять, но основную работу делаете вы. Итог вашей стажировки зависит от этого приговора. Варианта три: либо вы оба остаётесь в компании, либо кто-то один, если вытащит всё на своих плечах. Либо вылетаете оба. Изучайте. На втором этаже кабинет 202 свободен, вы можете работать там. Ключи возьмите у охраны. Свободны.

Мы синхронно поднялись. Я подхватила папку, мечтая поскорее выйти из этого кабинета.

— Смирнова, задержитесь, — негромко произнёс Вольский, когда Стас уже взялся за ручку двери.

Громов мазнул по мне нечитаемым взглядом и вышел, плотно прикрыв дверь. Я осталась стоять посреди кабинета.

Вольский медленно поднялся. Он подошёл ближе, засунув руки в карманы брюк, и внимательно всмотрелся в моё лицо.

— Ты очень похожа на отца, Маша.

Воздух застрял в горле.

— Вы... вы знали его?

— Знал ли я Анатолия Смирнова? — Антон качнул головой. — Он был моим наставником. Когда я пришёл сюда зелёным идиотом, именно он сделал из меня юриста. Он был лучшим.

— Вы работали с ним... до самого конца? Я здесь, чтобы понять, кто его посадил, Антон... простите, Антон Владиславович.

— Просто Антон, когда мы без лишних ушей.

— Я знаю, что он ни в чем не виноват, — твёрдо продолжила я. — И я найду тех, кто это сделал.

Антон тяжело выдохнул. Отошёл к окну и скрестил руки на груди.

— Неужели ты думаешь, что я не пытался добиться справедливости? Маша, когда его арестовали, я землю рыл. Пытался выйти на заказчиков. Но люди, которые за этим стоят, слишком влиятельны. Они вычистили всё. Это бетонная стена. Ты просто расшибёшь лоб в поисках улики. Да и это очень опасно для жизни.

— Пытались? — я сделала шаг вперёд, забыв о субординации. — А потом что, Антон? Четырнадцать лет вы сидите в этом кабинете. В бюро, которое его уничтожило. Вы стали здесь старшим партнёром, получаете огромные деньги и жмёте руки тем, кто писал на него доносы. Почему вы остановились?

Антон резко обернулся. Его лицо изменилось.

— Что помешало? — тихо переспросил он. — Жизнь, Маша. Жизнь моего отца.

Я замерла, сбита с толку.

— Четырнадцать лет назад мой отец умирал, — жёстко, чеканя слова, произнёс Вольский. — У него отказывали почки. Нужна была срочная, сложнейшая операция за границей и годы дорогостоящей реабилитации. Попасть на стажировку в «Легис» было моим единственным шансом вытащить его с того света. Я был нищим студентом, готовым на всё ради этих денег.

Он подошёл ко мне вплотную.

— Когда Анатолия арестовали, я начал задавать вопросы. Полез в бухгалтерию, пытался поднять его последние контакты. И через неделю меня вызвали наверх. Мне стали угрожать и потом сказали: «Ещё один вопрос про Смирнова, Антон, и ты вылетаешь отсюда с волчьим билетом. Тебя не возьмет ни одна контора в стране. А твой отец умрёт в очереди на квоту».

Во мне будто оборвалась струна. Холод пробрал до самых костей.

— Я выбрал живых, Маша, — тихим, севшим голосом закончил Антон. — Я предал своего наставника, чтобы спасти отца. Я отступил, заткнулся и стал пахать на эту систему. Но все эти четырнадцать лет это жрало меня изнутри. Каждый день.

Я не нашла что ответить. Злость на него испарилась. Я не имела права его судить. Потому что, если завтра руководство «Легиса» приставит такой же пистолет к моему виску — я тоже выберу жизнь мамы.

— Я рад, что ты здесь, — Антон протянул руку и едва ощутимо коснулся моего плеча. — Правда рад. В тебе есть его огонь. Я больше не могу идти в лобовую атаку, у меня связаны руки, но я готов помочь тебе. Тайно. Мы закроем этот долг вместе.

— С чего мне начать? — шёпотом спросила я, чувствуя, как ком в горле мешает дышать.

— В основном архиве, на минус первом этаже, есть сектор «Д», — быстро заговорил Вольский, возвращая контроль над собой. — Туда сбрасывают дела с истёкшим сроком, которые ещё не пошли под шредер. Найди реестр за 2012 год. Дело компании «Монолит». Официально изъятых документов там нет, но твой отец вёл личный дневник по этому делу. Копия может быть среди черновиков того года. Начни оттуда. Но никто не должен знать. Особенно Громов.

Я коротко кивнула.

— Спасибо.

Выйдя в пустой коридор, я прижалась спиной к прохладной стене... Я восстанавливаю справедливость чего бы мне это не стоило.

Глава 6 Стас

Дождь заливал мегаполис с самого утра, превращая проспекты в серые, бурлящие реки. Я припарковал машину прямо у стеклянной башни «Легиса», заглушил двигатель и пару секунд просто смотрел через лобовое стекло на стену ливня.

В зеркале заднего вида отражалось абсолютно спокойное, собранное лицо. Идеальный костюм, ни единой складки, просчитанный до мелочей образ. Никто в этом здании не должен был догадаться, зачем я пришёл сюда на самом деле.

Я выбрался из салона под спасительный навес здания и уже собирался пойти в сторону входа, когда периферийное зрение выхватило знакомую фигуру.

Смирнова бежала по ступеням, перепрыгивая через потоки воды. На ней была простая чёрная водолазка, лёгкая куртка, брюки и старые туфли. Она забежала под козырёк, остановилась в метре от меня и прикрыла глаза, тяжело, прерывисто дыша.

В ней не было ни капли лоска, которым хвастались девицы из моего круга. Ни дорогих брендов, ни надменной ухоженности. Но глядя на то, как она упрямо сжимает кулаки, пытаюсь унять бешеное сердцебиение, я поймал себя на странном ощущении: от неё было невозможно оторвать взгляд.

— Страшно? — вопрос сорвался с губ сам собой, когда я подошёл к ней ближе.

Она вздрогнула, резко обернувшись. В её глазах, обрамлённых влажными ресницами, мгновенно вспыхнуло пламя. Она окинула меня быстрым взглядом, оценила сухой костюм, идеальную укладку, и инстинктивно одёрнула свою промокшую водолазку.

— Мечтай, Громов, — огрызнулась она, вздёрнув подбородок. — Просто оцениваю масштаб бедствия.

Я усмехнулся одним уголком губ. Медленно, не скрывая откровенного любопытства, скользнул взглядом по её лицу. Задержался на упрямо сжатых губах, на бьющейся жилке на шее. Она ждала от меня хамства, ждала, что я начну самоутверждаться. Вместо этого я плавно подался вперёд, отесняя её чуть в сторону, и потянул на себя тяжёлую ручку стеклянной двери, пропуская её внутрь.

Пусть думает, что я просто высокомерный ублюдок с хорошими манерами. Так проще.

Кабинет Антона Вольского на пятом этаже оказался достаточно светлым, и я бы сказал пафосным помещением. Не каждый адвокат может позволить себе кабинет с панорамными окнами с видом на реку.

Я занял кресло за столом, расслабленно откинувшись на спинку и закинув ногу на ногу. Смирнова села рядом, выпрямив спину как струну, готовая к обороне. Такая она забавная...

Затем я посмотрел на куратора и мгновенно считал его породу. Вольский не был кабинетным червём. В его чёрной рубашке, расстёгнутой у ворота, в жёсткой щетине и немигающим, сканирующим взгляде чувствовался опасный, матёрый хищник. Он был из тех, кто ломает судьбы в залах суда с улыбкой на лице. Именно такие принципиальные люди охраняли секреты «Легиса». Именно через таких, как он, мне придётся перешагнуть, чтобы добраться до архивов и узнать правду о матери.

Пока Вольский толкал речь про зубы, хватку и работу без сна, я повернул голову и стал внаглую рассматривать Машу. Она смотрела только на куратора, ловя каждое его слово, но я видел, как напряжена линия её плеч. Тонкий профиль, упрямый подбородок. Она так отчаянно хотела доказать, что чего-то стоит в этом мире больших денег, что это вызывало не насмешку, а уважение.

— Проверим ваши базовые рефлексy, — Вольский резко сменил тон. — Блиц. Смирнова. Клиент обвиняется по 159 статье, часть 4. Мошенничество в особо крупном. Следствие изъяло серверы с чёрной бухгалтерией. Ваши первые действия?

— Подаю ходатайство о признании обыска незаконным, — без секунды заминки выдала Маша. — Ищу процессуальные нарушения в постановлении следователя. Если понятые были аффилированы с органами, доказательства признаются недопустимыми.

Хороший, крепкий ответ. Но слишком пресный. В реальности следователи закрывают такие процессуальные дыры задним числом за десять минут. Вольский лишь сухо кивнул и перевёл тяжёлый взгляд на меня:

— Громов. Клиент — гендиректор. Вывел активы через фирмы-однодневки. Обвинение переквалифицирует дело на 210 статью — организация преступного сообщества. Как развалить обвинение?

— Никак, если опираться только на бумаги, — лениво ответил я. — Нужно бить по субъективной стороне. Доказывать, что умысел был направлен на обычную коммерцию, а не на создание ОПГ. Ссылаться на свежий Пленум Верховного Суда о запрете применения 210 статьи к бизнесменам без доказательств строгой иерархии вне структуры компании.

Я почувствовал, как Смирнова удивлённо повернула голову в мою сторону.

— Не пройдёт, — тут же вклинилась она. — Следователи давно научились обходить этот Пленум. Они привяжут иерархию к штатному расписанию. Скажут, что отдел продаж — это структурное подразделение ОПГ.

Я повернулся к ней. В этот момент она была чертовски красива. В глазах горел азарт, щёки чуть порозовели от спора. Она не боялась ни меня, ни Вольского. Она дралась за свою позицию. И, чёрт возьми, это возбуждало куда сильнее, чем доступная покорность девиц из моих прежних компаний.

— Скажут, — ровно ответил я, глядя прямо в её глаза. — Если защита будет жевать сопли. Но если мы докажем, что фирмы-однодневки имели реальные хозяйственные операции — хотя бы пару поставок ручек в офис, — состав ОПГ рассыплется. Фиктивность должна быть стопроцентной. Смирнова, ты мыслишь, как прокурор, а не как адвокат.

— Суд не примет пару ручек как доказательство реальной деятельности! — выпалила она, подаваясь вперёд.

— Примет, если мы грамотно проведём экономическую экспертизу. Наш эксперт найдёт в их балансе признаки реального бизнеса. База рухнет.

Я смотрел на неё и ждал. Она открыла рот, чтобы выдать очередную контратаку, но вдруг замерла. Я увидел этот момент: в её голове прокрутилась моя схема, она сопоставила факты и поняла, что я прав. Её стратегия была глухой обороной, моя — ломала обвинение на стадии следствия.

— Достаточно, — голос Вольского оборвал нашу перестрелку. — Громов прав. Экспертиза — наш главный таран. Смирнова, вам минус балл за шаблонность.

Смирнова стиснула зубы от обиды. Я отвернулся к окну, скрывая довольную ухмылку. С ней будет не просто интересно. С ней будет горячо.

Вольский пододвинул к нам толстую серую папку с делом, озвучил жёсткие правила выбывания из стажировки и отпустил нас.

Мы синхронно поднялись с кресел. Я уже взялся за металлическую ручку двери, мысленно прикидывая, с чего мы начнём копать это дело, как голос куратора ударил в спину:

— Смирнова, задержитесь.

Я замер. Рука на секунду напряглась.

Я медленно обернулся. Вольский смотрел на Машу. Она стояла посреди кабинета, растерянно сжимая в руках папку.

Чёрт бы побрал этого Вольского. Что ему от неё нужно?

Я мазнул по Маше нечитаемым взглядом, вышел в пустой, тихий коридор и плотно прикрыл за собой дверь. Шагнул к панорамному окну, глядя на бурлящий внизу, залитый дождём город, и достал из кармана мобильный.

Глава 7 Стас

Я стоял у панорамного окна в пустом коридоре, глядя, как потоки воды хлещут по стеклу и крепко сжимал мобильный. Прошла минута. Затем вторая, третья. Тишина за тяжёлой дубовой дверью начинала действовать на нервы. Что этот корпоративный инквизитор от неё хочет?

Я поднял мобильный и зашёл в свежесозданный чат стажёров, смахнул контакт Маши, открыв личную переписку. Пальцы быстро набрали текст:

«Если он начнёт к тебе приставать — кричи. Так и быть, спасу. Хотя бы ради того, чтобы не тащить дело в одиночку».

Я нажал «отправить» и убрал телефон обратно в карман. Секунд через тридцать щёлкнул замок. Дверь кабинета приоткрылась, и в коридор выскользнула Маша. Она выглядела напряжённой, пальцы намертво вцепились в толстую серую папку с делом. В кармане её джинсов коротко пискнул телефон.

Смирнова достала мобильный, мазнула взглядом по экрану, и её брови медленно поползли вверх.

— Не мечтай, рыцарь, — отрезала она, проходя мимо меня быстрым шагом. — К тебе за помощью я побегу в самую последнюю очередь.

— Мы ещё посмотрим, Смирнова, — бросил я ей в спину, невольно любуясь прямой, неsgiбаемой линией её плеч. — Никогда не зарекайся.

— Пойдём изучать дело. — крикнула она не оборачиваясь. — Нам до завтра нужно выдать рабочую стратегию. Хотя, честно говоря, я бы и без тебя прекрасно справилась.

— А вот это вряд ли. Ты слишком правильная, Маша. В рейдерских захватах по учебникам не играют, — ответил я, шагая следом за ней.

Взяв ключи у охраны и поднявшись на второй этаж, мы зашли в небольшую переговорную. Стекланные стены глушили звуки офиса. Маша с глухим стуком бросила папку на гладкий белый стол, пододвинула кресло и мгновенно погрузилась в бумаги. Я сел напротив, вытянув ноги.

— Итак, — Смирнова быстро пробежала глазами по первым страницам. — Наш клиент — Игнатов. Учредитель и мажоритарный акционер завода «СпецСплав». Завод производит детали для тяжёлой техники, земля в промзоне стоит космических денег. Неделю назад Игнатова задерживают и помещают в СИЗО по обвинению в мошенничестве — статья 159, часть четвёртая. Заявление написал его же миноритарный партнёр.

Я придвинул к себе копию выписки из налоговой и хмыкнул.

— Классика жанра. Смотри на даты, Смирнова. Пока Игнатов сидит в изоляторе и лишён связи, этот партнёр провёл фиктивное внеочередное собрание акционеров. Без участия нашего клиента, разумеется. Они подделали протокол собрания, заменили генерального директора на своего ручного фунта и отнесли эту липу нотариусу.

— Нотариус конечно же заверил форму, — подхватила Маша, её глаза загорелись азартом расследования. — Затем они подают изменения в ЕГРЮЛ. Налоговая за пять дней регистрирует нового директора. Всё. Завод де-юре в их руках. Новый директор сейчас начнёт распродавать активы, переводить деньги на фирмы-однодневки и банкротить предприятие. А Игнатов выйдет из СИЗО владельцем пустышки с многомиллионными долгами.

— Если вообще выйдет. Следовательно явно в доле. Он будет мариновать его в камере, пока Игнатов не переписшет свои акции на рейдеров за копейки в обмен на свободу.

Маша схватила ручку и начала быстро чертить схему на чистом листе.

— Нам нужно перекрыть им кислород. Прямо сейчас. Я готовлю иск в Арбитражный суд о признании решений собрания акционеров недействительными. И главное — вместе с иском подаю ходатайство о применении обеспечительных мер. Мы должны заблокировать налоговой

возможность вносить любые новые изменения в реестр, а Росреестру — запретить регистрировать сделки с недвижимостью завода. Заморозим их.

Я скептически выгнул бровь, наблюдая за тем, как она яростно подчёркивает слова на бумаге.

— Гениально, Смирнова. Только Арбитраж отказывает в обеспечительных мерах в девяноста процентах случаев. И пока ты будешь решать эту проблему, завод продадут на металлолом. Мы должны бить через уголовку.

Маша подняла голову.

— Уголовка? Следователь карманный! Он даже ходатайства наши читать не станет!

— Плевать на следователя, — жёстко отрезал я. — Мы бьём по нотариусу и по новому директору. Я подаю заявление о преступлении по факту фальсификации единого государственного реестра юридических лиц. Статья 170.1. И параллельно запускаем частных детективов «Легиса» копать под нотариуса. Уверен, на нём висит десяток таких левых заверений. Как только мы прижмём нотариуса к стенке угрозой лишения лицензии и срока, он сдаст рейдеров и признается, что Игнатов на собрании не было.

— Это долго! — Маша подалась вперёд, опираясь руками о стол. — Пока ты будешь кошмарить нотариуса, активы уйдут! Нам нужен судебный запрет из Арбитража прямо завтра утром! Я найду основания. Я подниму всю судебную практику округа за последний год и найду прецеденты, где суд удовлетворял такие меры. Я не позволю пустить дело на самотёк, надеюсь на то, что нотариус расколется!

Она спорила яростно, аргументированно. Её щёки горели, между бровей залегла упрямая морщинка. В пылу спора прядь белоснежных волос выбилась из хвоста и упала на лицо. Маша раздражённо сдула её, а затем, подбирая слова для очередного аргумента, нервно и быстро облизнула пересохшие губы.

Это было микроскопическое движение, но оно ударило меня под дых с такой силой, что я на секунду потерял нить разговора.

Я вдруг поймал себя на том, что больше не слушаю её юридические выкладки. Я просто смотрю на неё. На то, как горят её глаза, когда она верит в свою правоту. На то, как тонкие пальцы до белизны в костяшках сжимают дешёвую пластиковую ручку. На её губы. В ней было столько жизни, столько неподдельной, искренней энергии, что на её фоне все девицы из моего окружения казались пластиковыми манекенами.

Она не была гламурной. Она не пыталась мне понравиться. Она вообще меня не переносила. И именно это сводило меня с ума.

Я медленно откинулся на спинку кожаного кресла, скрестил руки на груди и позволил себе просто наблюдать за ней. За тем, как она громит мою позицию, как выстраивает логические цепочки. У неё был блестящий ум. Хирургически точный, безжалостный ум, упакованный в тело испуганной, но чертовски смелой девчонки.

— ...и поэтому арбитражный трек должен быть основным, — закончила Маша, тяжело дыша. Она наконец заметила, что я молчу. Осеклась, нахмурилась. — Ты вообще меня слушал, Громов? Что ты на меня так уставился?

— Слушал, — мой голос прозвучал чуть ниже и глуше, чем обычно. Я сбросил наваждение и подобрался, возвращаясь к делу. — Ты права. Обеспечительные меры нужны, чтобы выиграть нам время. Но и я прав. Без уголовного прессинга мы не развалим дело Игнатова. Значит, берём обе стратегии в параллель.

Она недоверчиво прищурилась, словно ожидала подвоха.

— То есть... мы разделяемся?

— Именно. Берем их в клещи, — я кивнул на листы. — Ты гений судебной практики. Пиши ходатайство об обеспечительных мерах, вылизывай его так, чтобы ни один судья не смог отказать. Формируй железную базу. А я беру на себя теневую часть. Запрягу службу безопас-

ности бюро пробить нотариуса и нового гендиректора. Завтра утром положим Вольскому на стол два готовых, дополняющих друг друга плана.

Маша несколько секунд изучала моё лицо, пытаясь найти скрытый мотив, но потом медленно кивнула.

— Хорошо. Договорились.

Мы просидели над папкой ещё три часа, выписывая нестыковки, номера счетов и фамилии подставных лиц. Дождь за окном превратился в мелкую, противную морось. Офис вокруг нас почти опустел.

Я закрыл свою часть заметок и поднялся, разминая затёкшую шею.

— На сегодня база есть. Я поеду. Ты идёшь?

Маша даже не оторвала взгляд от монитора рабочего компьютера, в который лихорадочно вбивала текст иска.

— Нет. Я ещё поработаю.

Я нахмурился, глядя на часы на запястье.

— Отдохни. Дома доделаешь.

— Мне здесь удобно, — отрезала она, стуча по клавишам. А потом бросила быстрый, колючий взгляд из-под ресниц. — И вообще, это не твоё дело, Громов. Езжай в свои клубы, рестораны или куда вы там, мажоры, по вечерам катаетесь. Я сама разберусь.

Я усмехнулся, хотя внутри кольнуло глухое раздражение от этой непробиваемой стены, которую она между нами выстраивала.

— Как скажешь, Смирнова. Не перегори.

Я вышел из переговорной, оставив её в освещённом стеклянном кубе. Она сидела там, сгорбившись над клавиатурой, совершенно одна, но выглядела при этом сильнее многих мужчин, которых я знал.

Спустившись на первый этаж, я уже собирался выйти к парковке, когда телефон в кармане завибрировал. Звонок. На экране высветилось: «Отец».

Внутренности привычно стянуло ледяным узлом. Я принял вызов.

— Да.

— Ты где? — голос отца звучал резко, без предисловий.

— Выхожу со стажировки.

— Отлично. Наизучался бумажек, теперь пора заняться реальными делами. Подъезжай ко мне в центральный офис. Прямо сейчас.

— Отец, у меня другие планы.

— Меня не волнует, что ты планировал, Стас, — резко ответил он. Угроза читалась между строк предельно ясно. Шаг влево, и он перекроет мне кислород. Заблокирует счета, отнимет машину, вышвырнет на улицу. И тогда мой план по проникновению в архивы «Легиса» рухнет. Я потеряю шанс узнать, что случилось с матерью.

Я сжал свободную руку в кулак так, что ногти впились в ладонь.

— Понял. Скоро буду.

Я сбросил вызов, толкнул тяжёлую дверь и вышел под мелкий дождь. Запрыгнул в холодный салон Porsche, с яростью вдавил кнопку запуска двигателя. Мотор взревел, как раненый зверь. Я ударил по педали газа, срывая машину с места и растворяясь в огнях ночного мегаполиса, который медленно, но, верно, затягивал меня на самое дно.

Глава 8 Маша

Мои пальцы с пулемётной скоростью стучат по клавиатуре, выбивая строчки ходатайства об обеспечительных мерах для Арбитражного суда. Экран монитора уже слегка плывёт перед глазами, но я не позволяю себе сбавить темп. Формулировки должны быть безупречными, железобетонными.

Я краем глаза замечаю, как Стас поднимается со своего места. Он закидывает ноутбук в дорогую кожаную сумку и небрежно накидывает пиджак.

— На сегодня база есть. Я поеду. Ты идёшь? — спрашивает он, разминая шею.

Я даже не отрываю взгляд от монитора, продолжая лихорадочно вбивать текст.

— Нет. Я ещё поработаю.

Он хмурится, бросая взгляд на свои часы.

— Отдохни. Дома доделаешь.

— Мне здесь удобно, — отрезаю я, не сбавляя скорости печати. И тут же бросаю на него быстрый, колющий взгляд из-под ресниц. — И вообще, это не твоё дело, Громов. Езжай в свои клубы, рестораны или куда вы там, мажоры, по вечерам катаетесь. Я сама разберусь.

Он усмехается, не зло, а как-то снисходительно.

— Как скажешь, Смирнова. Не перегори.

Дверь за ним тихо закрывается. Как только его шаги стихают в коридоре, я с шумом выдыхаю и тяжело откидываюсь на спинку кресла. В голове крутится настоящий ураган из мыслей.

Этот парень оказался совсем другим. Абсолютно не таким, каким я его представляла всё это время. Я ждала тупого мажора, который будет кичиться папиными деньгами и скидывать на меня всю работу, а он... он как будто бы адекватный. Умный. Хваткий.

«Хотя, может, мне только кажется?» — проносится в голове.

Я нервно стучу пластиковой ручкой по столу, вспоминая его взгляд. То, как он смотрел на меня не отрывая своих тёмных, глубоких глаз, внимательно изучая каждую эмоцию на моём лице. От одного только воспоминания об этом пронзительном взгляде по телу предательски пробегают мурашки.

— Бред, — вслух произношу я, яростно качая головой, словно пытаюсь вытряхнуть его образ из мыслей.

Быстро сохраняю документ, захлопываю крышку ноутбука и достаю телефон. Пишу маме короткое сообщение: *«Мамуль, сегодня задержусь на стажировке. Ужинай без меня, ложись спать, не жди!»*.

Не успеваю я заблокировать экран, как телефон взрывается звонком от Светки.

— Ну что, мать? Жива? — бодро раздаётся в трубке её голос на фоне уличного шума. — Как первый день в змеином логове?

— Жива, Свет, — я устало улыбаюсь, прижимая телефон ухом к плечу и начиная собирать разбросанные по столу документы. — На удивление, всё не так уж и плохо. Куратор наш, Антон Владиславович, кажется вполне адекватным мужчиной. Жёсткий, но справедливый. Да и Громов... на удивление, тоже.

На том конце провода повисает выразительная пауза, а затем Света громко хмыкает.

— Да ладно? Прямо-таки адекватный? И что, он сидел и вместе с тобой вникал в дело? Вот этими своими ухоженными ручками листал документы?

— Он не просто вникал, Свет, — я застёгиваю молнию на рюкзаке. — Он подсказывал. Он решал задачу и спорил со мной. У него реально рабочие стратегии.

Света заливисто хохочет в трубку.

— Ну неужели! Понравился тебе, да? Признавайся!

Я хмурюсь, чувствуя, как щёки начинает покалывать от приливающей крови.

— Да нет, конечно! Свет, ты в своём уме? От таких, как он, нужно держаться подальше. Мы из разных миров.

Но пока я это говорю, в голове, как назло, яркой вспышкой мелькает картинка: Стас, его сосредоточенное лицо, хищный прищур и то, как он медленно, гипнотически крутил в своих длинных, сильных пальцах металлическую ручку. К горлу внезапно подкатывает горячий, пульсирующий комок.

— Слушай, Маш, — тон Светы становится заговорщицким. — Да ладно тебе строить из себя железную леди. Лучше уж первый раз с таким, как он, чем непонятно с кем. Я уверена, с таким темпераментом он в постели просто огонь.

— Света! Давай не будем об этом, — резко обрываю я её, но внутри, где-то внизу живота, будто всё разгорается от одной только мысли. Я нервно облизываю внезапно пересохшие губы. — Всё, мне пора работать. Завтра в универе увидимся.

Я сбрасываю вызов, закидываю рюкзак на плечо и выхожу из переговорной. Мне жизненно необходим кофеин, иначе я просто не дотяну до ночи.

Спускаюсь на первый этаж и выскальзываю под мелкий дождь. В соседнем здании светится тёплыми окнами уютная кофейня. Забегаю внутрь, вдыхая спасительный аромат обжаренных зёрен.

— Большой капучино с корицей, пожалуйста, — прошу я приветливую девушку за кассой.

Она пробивает чек и с улыбкой протягивает мне небольшую корзинку.

— У нашей кофейни сегодня день рождения! Мы выдаём всем гостям печенье с предсказанием. Тяните любое!

Я слабо улыбаюсь, засовываю руку в корзинку и вытягиваю свёрток. Забираю свой горячий стаканчик и сажусь за крошечный столик в углу. Отпиваю обжигающий, пряный капучино и разламываю печенье. Разворачиваю узкую бумажку.

Текст напечатан витиеватым шрифтом:

«Не пытайся потушить свой огонь внутри. Свети ярче звезды и не отказывай себе в удовольствии».

А с обратной стороны бумажки — маленькая, контурная картинка: пара, страстно целующаяся в темноте.

Я смотрю на этот рисунок, и по телу снова прокатывается волна предательских мурашек. Экран телефона, лежащего на столе, загорается. Сообщение.

Громов:

«Слушай, Смирнова. В переговорной душно. Предлагаю завтра поработать у меня дома. Кофе, нормальная еда и тишина прилагаются».

Я смотрю на экран, чувствуя, как губы сами собой растягиваются в улыбке. Сердце делает странный, неровный кульбит, где-то глубоко внутри мелькает безумное, иррациональное желание согласиться.

Но я быстро беру себя в руки. Печатаю ответ:

«И не мечтай, Громов. Завтра в 9:00 в той же переговорной».

Блокирую телефон, допиваю кофе в три глотка и решительно встаю. Хватит глупых мыслей. Пора заняться тем, ради чего я на самом деле прорвалась в «Легис».

Возвращаюсь в здание бюро. Подхожу к посту охраны, натягивая на лицо маску деловой озабоченности.

— Здравствуйте, — мило улыбаюсь я грузному мужчине в форме. — Я стажёр, Мария Смирнова. Антон Владиславович просил срочно поднять старую судебную практику по нашему текущему делу «СпецСплава». Мне нужен ключ от нижнего архива.

Охранник недоверчиво хмурится, сверяясь с какими-то списками на мониторе.

— Поздно уже для архивов, девушка.

— Знаю, — вздыхаю я, делая максимально страдальческое лицо. — Но Вольский сказал, если к утру прецедентов не будет, мы со вторым стажёром вылетим. Пожалуйста, я быстро. Выпишу номера дел и верну ключ.

Мужчина смягчается, ворчит что-то про «сумасшедших студентов» и со звоном кладёт на стойку тяжёлый ключ с биркой «-1 этаж».

— Запишитесь в журнале. И чтоб через час ключ был у меня.

— Спасибо огромное!

Я спускаюсь по лестнице вниз. Щёлкаю замком, толкаю тяжёлую металлическую дверь и оказываюсь в длинном, тускло освещённом помещении, уставленном железными стеллажами.

«Сектор Д. Реестр за 2012 год. Дело компании "Монолит"», — эхом звучат в голове слова Антона.

Я быстро иду вдоль рядов, выискивая нужную букву. Ага, вот он. Сектор Д. Пальцы лихорадочно скользят по пыльным корешкам серых папок. 2010... 2011... 2012 год.

Вытаскиваю нужный короб. Открываю. Внутри лежат десятки скреплённых томов, черновики, какие-то описи. Сердце колотится где-то в горле. Я начинаю быстро, но аккуратно перебирать листы, ища хоть малейшую зацепку, хоть какой-то намёк на почерк отца.

И вдруг...

Где-то наверху, у самого входа в архив, раздаётся громкий, резкий металлический щелчок. Тяжёлая дверь с протяжным скрипом открывается и с глухим ударом захлопывается.

Я замираю. Воздух леденеет в лёгких.

Чёткие, размеренные шаги гулко отдаются под сводами подвала. Они звучат всё громче, эхом отражаясь от бетонных стен.

Паника бьёт по нервам. Я бесшумно задвигаю коробку обратно на полку, делаю шаг назад и буквально вжимаюсь спиной в холодный металлический стеллаж, сливаясь с тенью между рядами.

Шаги приближаются. Ближе. Ещё ближе.

Я зажимаю рот ладонью, боясь, что стук моего собственного сердца выдаст меня с головой.

Глава 9 Стас

Я припарковал свой Porsche прямо у стеклянных дверей центрального офиса отцовской империи. Дождь всё так же уныло поливал лобовое стекло, размывая огни высоток. Я заглушил мотор, собираясь выйти, как телефон в кармане завибрировал.

На экране высветилось имя: «Лиза».

Я раздражённо цокнул я

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.